

Даниэль Шёнпflug

Время
кометы 1918: Мир
совершает
прорыв

Даниэль Шёнпфлуг Время кометы. 1918: Мир совершает прорыв

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40692075

Время кометы. 1918: Мир совершает прорыв: Ад Маргинем Пресс;

Москва; 2019

ISBN 978-5-91103-453-5

Аннотация

Яркой вспышкой кометы оказывается 1918 год для дальнейшей истории человечества. Одиннадцатое ноября 1918 года – не только последний день мировой войны, швырнувшей в пропасть весь старый порядок. Этот день – воплощение зародившихся надежд на лучшую жизнь. Вспыхнули новые возможности и новые мечты, и, подобно хвосту кометы, тянется за ними вереница картин и лиц.

В книге известного немецкого историка Даниэля Шёнпфлуга (род. 1969) этот уникальный исторический момент воплощается в череде реальных судеб: Вирджиния Вулф, Гарри С. Трумэн, Арнольд Шёнберг, Махатма Ганди, Рудольф Гесс, Хо Ши Мин и многие другие. Острый взгляд историка помогает увидеть в этом пестром калейдоскопе событий зерна грядущих триумфов и катастроф. Книга одновременно поэтична и поучительна:

оваянная образами красных маков на полях Фландрии, она учит распознавать симптомы будущего в самых, казалось бы, далеких от истории событиях.

Содержание

Пролог: Ядро кометы	9
1. Начало конца	18
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Даниэль Шёнпфлуг Время кометы. 1918: Мир совершает прорыв

Daniel Schönflug

Kometenjahre

1918: Die Welt im Aufbruch

Originally published as: «Kometenjahre. 1918, Die Welt im Aufbruch»

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

© Алексеева И.С., перевод, 2019

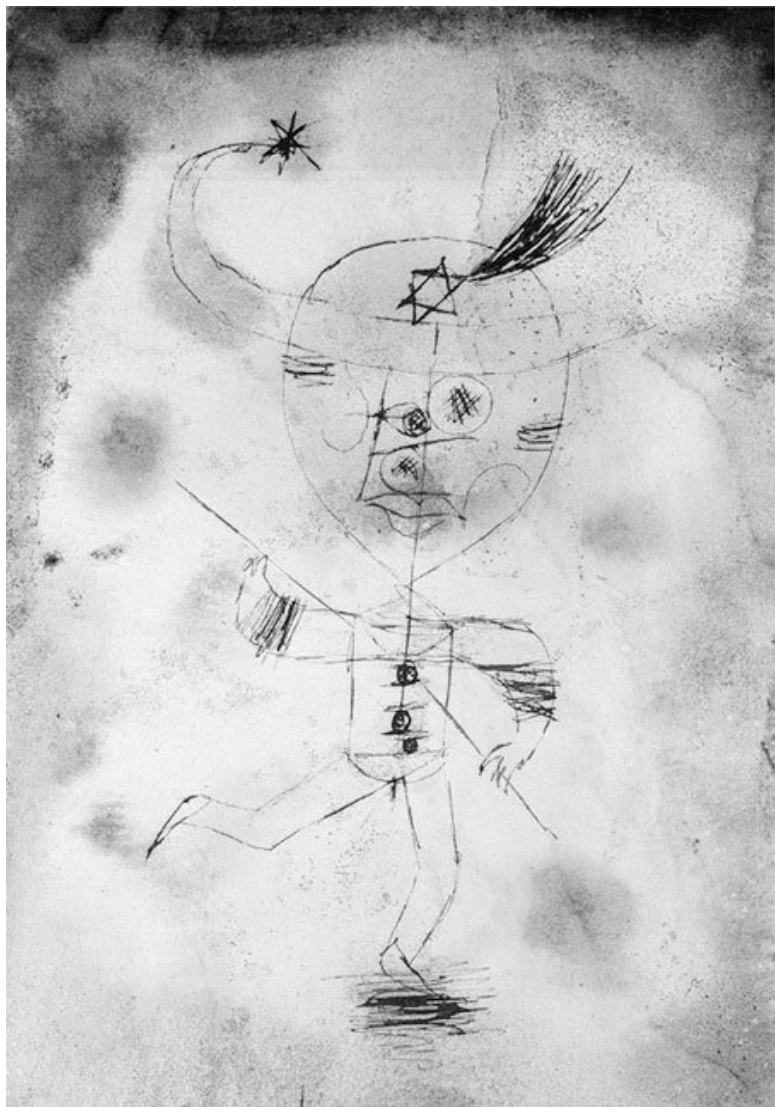
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2019

* * *

*Метеор летит по своей траектории, держится
вблизи Земли и благодаря силе земного притяжения
отклоняется от своего пути, на короткие,
критические мгновения пронзает атмосферу,
благодаря трению о воздух превращается в частицу
звездапада; успевает избежать опасности навсегда
привязаться к Земле и летит дальше, прочь,*

остывая и вновь угасая в пустом пространстве.
Пауль Клее. Рукописи лекций, 1921

Пауль Клее

Комета над Парижем, 1918

Пролог: Ядро кометы

Ранним утром 11 ноября 1918 года германского кайзера вешают в Нью-Йорке между двумя небоскребами. Монарх безжизненно болтается на длинной веревке, окутанный мерцающим в солнечных лучах облаком конфетти. Правда, это не Вильгельм II собственной персоной, а его копия, набитая ватой матерчатая кукла больше человеческого роста, украшенная пышными усами и остроконечным прусским шлемом. На острие шлема трепещут длинные белые полосы бумаги, которые люди бросают с верхних этажей и которые с царственной медлительностью опускаются в пропасть улицы.

В пять часов утра по американскому времени вступает в силу перемирие между союзными державами и Германским рейхом. «Гунны», как в Америке со времен начала войны называют немцев, спустя четыре года жестокой борьбы поставлены на колени. Первая мировая война, которая унесла жизни шестнадцати миллионов человек по всему миру, выиграна. Жители Нью-Йорка узнали об этом из утренних газет и тысячами устремились на улицы. Меж небоскребов бурлит море людей, нарядно одетых, в костюмах и при шляпах, в выходных платьях, в мундирах и в форме медсестер, плечом к плечу, рука об руку, приветствуя друг друга и обнимаясь. Колокольный звон, выстрелы салюта, марши и звуки фанфар

сливаются с миллионами хохочущих, поющих и скандирующих что-то хором голосов в единый грохот мощно накатывающего прилива. Автомобили, в окна которых высовываются люди и с энтузиазмом машут флагами, гудя, на самой медленной скорости пробираются сквозь толпу. Город вышел на импровизированный уличный праздник с написанными от руки плакатами, самодельными трибунами, песнями, распеваемыми хором, лихими плясками на мостовой. Вся работа остановилась в Нью-Йорке в этот день победы, который, по всеобщему убеждению, должен вскоре привести к миру на всей земле.

Мойна Майкл, мать семейства и преподавательница колледжа для девочек в Джорджии, незадолго до этого получила отпуск у себя на службе. Вот уже несколько недель эта крепкая, почти пятидесятилетняя дама работает в учебном лагере «Христианского союза девушек» – женской ипостаси ИМКА¹. В аудиториях Колумбийского университета на Манхэттене она помогает готовить молодых женщин и мужчин к работе в Европе. Через краткое время самые способные из них отправятся за Атлантику в качестве гражданских вспомогательных лиц для организации пунктов обеспечения солдат в тылу. За два дня до перемирия Мойне Майкл случайно по-

¹ ИМКА (от *англ.* Young Men's Christian Association, YMCA – «Юношеская христианская ассоциация») – молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря созданию детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом (1821–1905), насчитывает около 45 миллионов участников в более чем 130 странах мира.

пался в руки номер «Домашнего журнала для женщин»², в котором было опубликовано стихотворение о войне канадского лейтенанта Джона Маккрея «На нивах фландрских»: «На нивах фландрских маки расцвели // Среди крестов...»³ Страница была изобильно украшена фигурами солдат-героев, обративших взор к небесам. Она не отрываясь читает стихотворение до конца, где в последних строках Маккрей закликает тех, кто уцелел, подхватить огонь борьбы, который зажгли солдаты, умирающие на полях сражений. Слова и образы находят отзвук в ее душе, и ее насквозь пронизывает ощущение, что стихотворение написано для нее лично, что голоса мертвых говорят этими строчками прямо с ней. Имелась в виду именно *она!* Она должна протянуть руку и подхватить угасающий факел борьбы во имя мира и свободы! Она должна стать той, кто высоко понесет честь погибших, именно она должна позаботиться о том, чтобы воспоминание о миллионах жертв не угасло, чтобы они сражались не напрасно и чтобы их смерть не оказалась бессмысленной!

Мойну настолько потрясло это стихотворение и ее мис-

² «Ladies Home Journal».

³ На нивах фландрских маки расцвели
Среди крестов, встающих из земли, О
нас напоминая. И с небес Песнь жаворонка слышится окрест
Сквозь рокот пушек, глухнувший вдали. Мы все мертвы – не досмотрев зари
Иль отблесков закатных, полегли, Любимые и любящие, здесь –
На нивах фландрских. Но жив огонь борьбы, что мы зажгли. Возьмите же его, пока враги
Не затоптали угли. Нашу честь Несите высоко, иначе несть Нам сна, как буйно б маки ни цвели
На нивах фландрских. Полный текст перевода с англ. выполнен Алексеем Шестаковым для настоящего издания.

сия, что она тут же взяла карандаш и на желтом конверте написала собственные стихи о маке, о цветке, который цветет над погибшими. Эти строки – как ритмическая клятва: она клянется передать выжившим урок, полученный в сражениях на нивах Фландрии: «Мы не забудем маков алых весть // И не уроним наших павших честь. // Урок их мы усвоили навек – // Не даром обрели они ночлег // На нивах фландрских».

Пока она записывает эти свои мысли, к ее письменному столу подходит группа молодых людей. Они собрали десять долларов в знак благодарности Мойне за помощь в устройстве их офиса ИМКА. Принимая из их рук чек, Мойна уже знает, что будет делать – внезапно вся картинка складывается у нее в голове: она не хочет останавливаться на словах, даже если они удачно зарифмованы. Стихи должны воплотиться в жизнь! «Я куплю красные маки... Отныне я всегда буду носить на груди красные маки», – заявляет она ошарашенным мужчинам. Потом показывает им стихотворение Маккрея и, чуть поколебавшись, зачитывает вслух и свое собственное. Молодые люди в восторге. Они тоже хотят прикрепить к своей одежде маки, и Мойна обещает достать им цветы. Часы, оставшиеся до объявления перемирия, она проводит в поисках искусственных цветков мака по нью-йоркским магазинам. Выясняется, что, хотя среди богатейшего разнообразия в столице мира имеются искусственные цветы на любой вкус, выбор воспетых в стихах огненно-красных

цветков вида *paraver rhoeas* очень ограничен. В универмаге «Ванамейкер», похожем на огромную башню, где есть все: от галантереи до автомобилей, и даже хрустальная чайная комната, – цветок наконец найден. Она покупает большой искусственный мак, чтобы поставить у себя на письменном столе, и пару десятков мелких, в четыре лепестка, шелковых цветочков. Вернувшись в ИМКА, она прикрепляет цветы к груди молодых людей, которые вскоре отправятся во Францию на службу. Это скромное начало победного шествия нового символа. Всего несколькими годами позже «маки поминовения» («Remembrance Poppies») станут во всем англоязычном мире воплощением памяти о жертвах мировой войны.

Культ этих красных цветов зародился в исключительный момент мировой истории, когда миллионы людей по всему свету торжествовали, замирали, скорбели или клялись отомстить. Порожденный минутой, этот символ обращен как в прошлое, так и в будущее. С одной стороны, красные цветы вызывают не предавать забвению то, что уходит в прошлое. В этом смысле они являют собой часть мировой мемориальной культуры, в которой принято совершать ритуальные церемонии, возводить памятники, а в школах, различных учреждениях и казармах высекать на каменных плитах имена павших. С другой стороны, идея Мойны Майкл указывает вперед, ибо для нее пролитая кровь и массовые жертвы – это обязательство перед будущим: на могилах должны цвести

цветы, говорит ей поначалу наивная, родившаяся из спонтанного порыва и глубокой веры надежда на будущее. Не только для нее, но и для множества ее современников в конце войны неизбежно встает вопрос о будущем. Конец войны вызвал в воображении картины лучшей жизни, но и страхи тоже; он порождает сокрушительные идеи, мечты и планы, но вместе с тем – и кошмарные видения.

В 1918 году Пауль Клее в своей картине «Комета над Парижем», в равной мере иронической и символической, избирает промежуточную позицию между прошлым и будущим, между реальностью и фантазиями. На рисунке пером и акварелью, изображающем солдата Королевской Баварской летной школы, видны, если присмотреться, не одна, а две кометы: зеленая с длинным опущенным вниз хвостом и вторая – в форме звезды Давида. Обе кометы облетают вокруг головы канатоходца, который, держа в руках шест, балансирует на невидимом канате высоко над Эйфелевой башней. Это одна из многочисленных работ Пауля Клее того времени, изображающая созвездия над городами, и, как это часто бывает, художник выступает здесь в роли «иллюстратора идей». На рисунке далекий Париж – столица врага, но родина искусства – предстает как современный Вифлеем. В то же время комета с незапамятных времен, а еще более – в зыбкой, напряженной атмосфере начала XX века, становится символом непредсказуемого, предвестником великих событий, коренных перемен и даже катастроф. Возникнув над горизонтом,

она высвечивает небывалые возможности, неведомое будущее. Маленькая сестра кометы, звезда, словно бы приглашает помечтать. Но тут же метеорит, упавший на землю, пугает своей разрушительной силой. На исходе 1910 года мир испытал явление Дневной кометы (первый раз ее увидели в городе Йоханнесбург) и кометы Галлея, и самые пугливые из числа граждан Земли на всех континентах уже стали готовиться к концу света. Это событие, а также сообщение о столкновении с Землей небесного тела «Ричардтон» в Северной Дакоте 30 июня 1918 года могли вдохновить Клее на создание его картины.

Канатоходец Клее балансирует на полпути между земным чудом света, Эйфелевой башней, и небесными чудесами, в равной степени манящими и опасными. Он парит в невесомости, не принадлежа целиком ни одной из стихий, кутаясь головой в облаках, но подвергаясь беспрестанной опасности потерять равновесие и сорваться вниз. Окруженный роем звезд, он выглядит скорее как пьяный, нежели как одухотворенный человек. По его широко распахнутым глазам можно даже предположить, что небесные тела кружат ему голову и предвещают падение вниз.

Так Паулю Клее с помощью этой картины удастся создать иронический символ времени, когда сознание колебалось между воодушевлением и чувством поражения, между надеждами и опасениями, между отвлеченными видениями и суровой реальностью. Тот, кто верил в символику комет, мог

11 ноября 1918 года, в день перемирия, когда старая Европа, лежа в руинах, ликовала, хотя под боком у нее происходили революции, рушились огромные империи и начинал расшатываться мировой порядок, толковать происходящее как свершение небесных предзнаменований. В этот же переломный момент на землю пролился метеоритный дождь из всевозможных проектов будущего. Редко история представляла столь открытой, столь полномасштабной, столь зависимой от рук человека. Редко представлялось столь необходимым быстро преобразовывать ошибки прошлого в концепции будущего. Редко казалось, что перед лицом мира в пору грандиозных изменений необходимо личное вмешательство и борьба за свои мечты. На свет появлялись новые политические идеи, новое общество, новое искусство и культура, новое мышление. Провозглашался новый человек, человек XX века, рожденный в горниле войны и освобожденный от оков старого мира. Подобно фениксу, Европа должна была возродить из пепла себя саму, да и весь мир в придачу. Карусель возможностей крутилась до того быстро, что у многих современников закружилась голова.

Люди, о которых в дальнейшем пойдет речь, все как один канатоходцы. Их абсолютно субъективное видение происходящего взято из их автобиографий, мемуаров, дневников и писем. Правдивость этой книги равна правдивости этих документов. Она вполне может противоречить историческим исследованиям, а порой наши свидетели даже привирают.

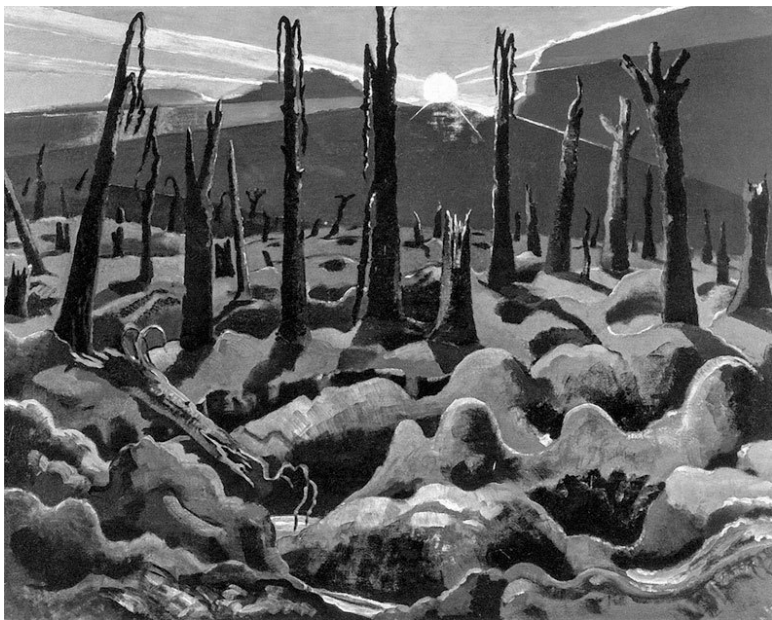
Они озадаченно наблюдают, как ярко вспыхивают на небосклоне мечты, но видят они и то, как быстро угасают и умирают звезды, кометы и прочие небесные тела. На ощупь продвигаются они вперед по узкой тропинке, ведущей в пропасть. Кому-то, как Мойне Майкл, удастся удерживать равновесие в вышине, другие срываются вниз, как кайзер Вильгельм II, для которого тонкий канат становится веревкой для повешения – хотя бы заочно, в виде чучела.

И все же эти воспоминания показывают то почти невыносимое напряжение, которым было обременено послевоенное время. Ибо мечты и стремления на рубеже XIX и XX столетий не только окрыляли людей, но и заставляли их разрываться на части. Некоторые планы на будущее абсолютно противоположны друг другу и даже друг друга исключают – так, во всяком случае, утверждают многие из новых провозвестников спасения – и могут осуществиться только тогда, когда будет разрушена другая мечта. Так ожесточенная борьба за лучшее будущее вместо вождя мира приносит новое насилие и требует новых жертв.

1. Начало конца

*Будь то вправо или влево,
Вперед или назад,
Вверх или вниз –
Надо идти дальше,
Не спрашивая, что предстоит, а что позади.
Это должно быть скрыто:
Вы имеете право, и вам приходится это забыть
Во имя выполнения задачи.*

*Арнольд Шёнберг.
Лестница Иакова, 1917*

Пол Нэш

Мы создаем новый мир, 1918

Сумерки уже спустились на холмистую бельгийскую местность, когда кортеж из пяти черных правительственных автомобилей немецкой ставки верховного командования в городке Спа тронулся в путь – это было 7 ноября 1918 года. В последнем автомобиле сидел Маттиас Эрцбергер, сорока трех лет, грузный, никелированная оправа очков поблескивала над аккуратно подправленными усами, волосы аккуратно-

но разделены на пробор. Правительство Германского рейха отправило госсекретаря во вражескую страну во главе делегации из трех человек. Ему предстоит, поставив свою подпись, завершить войну, которая длилась более четырех лет и охватила почти всю планету.

В 9 часов 20 минут – а между тем припустил мелкий дождь – колонна недалеко от местечка Трелон на севере Франции пересекла немецкую линию фронта. За последним рядом немецких траншей, из которых до этой самой минуты неся на французов смертельный шквал огня, начинается нейтральная полоса. Осторожно продвигаясь в полной темноте со скоростью пешехода, колонна приближается к вражеским позициям. На первом автомобиле укреплен белый флаг. Горнист время от времени трубит короткие сигналы. Заключенное перемирие соблюдается: ни одного выстрела не раздается на протяжении всего пути по истерзанной войной земле вплоть до первого ряда французских окопов, которые от немецких отделяет всего сто пятьдесят метров. По мнению Эрцбергера, прием на той стороне ему оказывают холодный, но уважительный, от повязки на глазах переговорщиков, принятой в таких случаях, отказываются. Два офицера сопровождают автомобиль в местечко Ля-Шапель, где при появлении переговорщиков начинают собираться солдаты и гражданское население, встречая послов хлопками в ладоши и громкими выкриками: «Фини ля герр?»⁴

⁴ «Finie la guerre?» (франц.) – «Конец войне?».

Далее поездка Эрцбергера продолжается в сопровождении французских машин. Когда из-за облаков выглядывает луна, ее тусклый свет освещает апокалиптическую картину. Пикардия, которая в течение четырех лет была ареной мировой войны, превратилась в царство смерти. По обочинам ржавеют искореженные орудия и остовы военных машин. Рядом – разлагающиеся трупы животных. На полях тут и там торчит колючая проволока. Земля вспорота тысячами взрывов, начинена тоннами опасных снарядов, зачумлена вонью бесчисленных трупов, отравлена газом. Дождевая вода скапливается в траншеях и воронках. От лесов остались лишь обугленные пни, очертания которых вырисовываются на фоне ночного неба. Колонна пересекает деревеньки и городки, которые немецкие войска, уходя, сровняли с землей. Про местечко Шони Эрцбергер потрясенно пишет: «Не сохранилось ни единого дома; одни развалины сменяли другие. В свете луны руины казались призраками; ни одного живого существа».

Маршрут, определенный для немецкого эmissара французским армейским начальством, пролегал через те территории на севере Франции, которые пострадали от войны больше всего и которые выглядели так, словно сюда упал метеорит. Страшное зрелище тех мест, которые позже будут обозначены на географических картах как «красная зона», должно было настроить Эрцбергера на предстоящие переговоры о перемирии. Те земли, которые, по мнению тогдашних

специалистов, навсегда стали непригодными для сельского хозяйства, должны показать, какой ущерб причинили немцы французам. Знаток гражданского права Эрцбергер, возможно, уже видел опустошенную войной Северную Францию, главный аргумент военной пропаганды, на фотографиях, открытках, в газетах и выпусках новостей. Как человек образованный и открытый миру, он наверняка уже прочитал роман «Огонь» Анри Барбюса об империалистической войне, где точно и проникновенно описаны «поля бесплодия». Возможно, знаком он и с живописными работами того времени, представляющими собой совершенно новую форму пейзажной живописи: так, британец Пол Нэш передал свои впечатления от войны в символической картине, где над изуродованным от бомб и снарядов лесом всходит мертвенное солнце. «Мы создаем новый мир» – так называется это полотно, балансирующее между ужасом и надеждой. Но своими глазами увидеть гиблые пустыни – опустошительное наследие мировой войны – это нечто другое. «Эта поездка, – пишет Эрцбергер в своих воспоминаниях, – потрясла меня больше, чем совершенная за три недели до того поездка к смертному одру моего единственного сына».

Американский офицер Гарри С. Трумэн к военным пейзажам привык уже давно. Он описывает их в письме к своей подруге Бесс Уэллис: «Деревья, которые некогда представляли собой пышный лес, превратились теперь в обрубки с

голыми ветвями и застыли словно привидения. На каждом шагу сплошные воронки. <...> Эта выжженная земля была когда-то столь же прекрасна, как и вся Франция, а нынче Сахара или Аризона покажутся райскими садами по сравнению с ней. Когда за деревьями всходит луна, то кажется, будто призраки полумиллиона убитых здесь французов выстроились на траурный парад среди руин».

Трумэн, фермер из Миссури, а во время войны офицер артиллерийского расчета, находится на сто пятьдесят километров восточнее города-призрака Шони, через который проезжает Маттиас Эрцбергер той самой ночью 7 ноября 1918 года. В холмистых Аргонских лесах, где Трумэн служил с конца сентября 1918 года, бушевали последние сражения между Германским рейхом и союзниками. Верховный главнокомандующий Франции маршал Фош определил эти покрытые лесом холмы в треугольнике между Францией, Германией и Бельгией как арену для решающего наступления. Позиция «Зигфрид», называемая союзниками также «линией Гинденбурга», последняя укрепленная позиция немецкой армии, пала еще в конце сентября 1918 года, в первые дни наступательной операции. Но французская армия и Американский экспедиционный корпус, самое крупное вооруженное формирование, какое США когда-либо направляли на войну вне своей территории, неумолимо продвигались все дальше на восток, в направлении Рейна. Сидя в блиндаже под Верденом, Трумэн пишет: «Обстановка неутешительная.

У меня в палисаднике похоронены французы, а за домом – гунны, и те и другие валяются повсюду, насколько хватает глаз, куда ни глянь. Всякий раз, когда немецкая граната попадает на поле к западу отсюда, обнажаются чьи-то останки. Хорошо, что я не верю в привидения».

Вильгельм Прусский, наследник трона Германского рейха, в отличие от кайзера усов не носил. Словно для того, чтобы отграничить себя от непомерно значительной фигуры отца, он демонстрировал гладко выбритую кожу под носом, там, где у кайзера гордо красовались жесткие пучки волос в виде имперского орла, пикирующего на свою жертву. И по сравнению с представительным Вильгельмом II кронпринц даже в преклонные годы всегда выглядел несколько моложаво, как будто голо. Зато, в отличие от тысяч немецких солдат – среди которых был и Адольф Гитлер, – этому старшему сыну Гогенцоллернов, родившемуся в потсдамском Мраморном дворце, не пришлось стричь усы покороче, когда это украшение на лице внезапно оказалось смертельно опасным, ибо начались газовые войны и для защиты стали применять противогаз. В 1918 году в возрасте тридцати шести лет Вильгельм Прусский возглавил группу войск «Кронпринц Вильгельм», которая на тот момент состояла из четырех армий. Но тот факт, что он ее возглавил, не означал, что он ею в действительности руководил. Отец, приучивший его с младых ногтей участвовать в деле управления государством только на расстоянии, строго-настрого внушил ему, что в тех слу-

чаях, когда надо принимать решение, инициативу следует делегировать главе Генерального штаба Фридриху фон дер Шуленбургу. Именно по этой причине кронпринц сразу в двух смыслах называл его «своим шефом». С лета 1918 года, когда захлебнулось последнее наступление немцев, группа войск «Германский кронпринц» находилась в состоянии непрерывного отступления.

В сентябре 1918 года в душу кронпринца, наблюдавшего ярую неистовость атак со стороны союзников, впервые закралось сомнение в победе немцев: «У нас было такое ощущение, будто мы находимся в эпицентре вражеского наступления и... худо-бедно как-то еще держимся за счет сосредоточения всех своих сил. <...> Сколько можно?» Чуть позже, посетив первый гвардейский дивизион, которым командовал его брат Эйтель Фридрих, он окончательно вынужден был признаться самому себе, что борьба немцев против альянса союзников сделалась бесперспективной. Обычно никогда не унывающий Фриц встречает его в полном и беспросветном отчаянии. Весь его дивизион состоит всего только из пяти-сот человек. Питание у солдат скверное. Орудия «отстреляли свое», а замену не поставляют. Хотя наступление американской пехоты, которое ведется «совсем не по-военному», колоннами, можно остановить кодовым пулеметным огнем, но с новейшей технологической разработкой союзников – с танками – у немецких войск большие сложности. Американские танковые бригады переезжают через немецкие окопы,

где на двадцать метров – всего один солдат, и начинают обстреливать их с тыла. К тому же американцы, в отличие от немцев, видимо, располагают неисчерпаемыми запасами тяжелой артиллерии и живой силы. Каждая их атака предвращается такой огневой подготовкой, какой не бывало даже в Вердене или на Сомме. Братья-кронпринцы выросли на рассказах о героизме солдат, о полях чести, на которых решается вопрос жизни и смерти целых империй, о полководцах, которые гарцевали впереди своих армий с саблей наголо и с развевающимся султаном на кивере, а теперь оказались посреди чудовищной неразберихи и окровавленного мяса.

При столкновении с превосходством противника в душе Вильгельма поселяется чувство бессилия. Изможденные, в плохом обмундировании, с негодным оружием и боеприпасами, которыми их снабжают все хуже, его солдаты – те из них, кто не предпочел смерти плен, – пытаются противостоять сонму атакующих врагов. Каждая новая вражеская атака усиливает это чувство беспомощности. «Небеса в огне дрожали, глухие удары, рев и раскаты никак не хотели умолкнуть». В конце сентября кронпринцу уже совершенно ясно, что так долго продолжаться не может. «Где в головах этих мужчин, с ума сведенных голодом, мучениями, лишениями, тысячу раз отважно рисковавшими своею жизнью за Отечество, теперь пролегает граница между возможностями их и их желаньем?»

Элвин Каллам Йорк вступил в ряды американской пехоты после долгих колебаний. Дитя природы, рослый, рыжеволосый, широкоплечий детина из деревни Пэл-Мэл в горах Теннесси был глубоко верующим и принадлежал к методистской церкви. Каждое слово Библии было для него законом, и пятая заповедь: «Не убий» – являлась священным аргументом против того, чтобы пойти в армию. Когда Йорка призвали на военную службу, это повергло его в тяжелое состояние раздвоенности между долгом христианина и долгом американского гражданина. Он неустанно перечитывал Священное Писание в поисках слов, которые могли бы его направить. Он молился, разговаривал об этом со своим пастором и наконец пришел к выводу, что надо подать прошение об освобождении от воинской повинности. Довод в письме был предельно лаконичен: «Не хочу воевать». Но его прошение было отклонено, и Йорк в конце концов покорился неизбежному, надеясь, что не попадет в действующую армию. Обучение он прошел в Кэмп-Гордоне, в Джорджии, затем через Нью-Йорк отправился в Бостон, где 1 мая 1918 года в 4 часа утра сел на корабль. Йорк, до этого родимых гор никогда не покидавший, теперь пересек великий океан, направляясь на войну в далекую Европу. Тоска по родине, морская болезнь и страх перед немецкой торпедой, которая могла угодить в корабль, превратили путь через океан в настоящую муку: «По мне, так с водой был перебор».

После остановки в английском порту Йорк 21 мая 1918

года оказался во французском портовом городе Гавре на берегу Ла-Манша. Там ему выдали оружие и противогаз. «Война стала на порядок ближе», – вспоминал он позже. С июля 1918 года его подразделение воевало под французским командованием, сначала на спокойных участках фронта, чтобы набраться опыта. Первое сражение Йорка произошло в ходе Сен-Миельского прорыва, начавшегося 12 сентября и продолжившегося несколько дней. Кровопролитная операция закончилась победой американцев и имела колоссальное всемирно-политическое значение: тогда американский экспедиционный корпус впервые действовал самостоятельно под командованием американского генерала Джона Першинга. С самого начала вступления США в войну американские войска неизменно подчинялись французскому командованию. Так что Сен-Миель можно считать символом нового американского самосознания, а если вычленить главное, то вполне можно сказать, что в этом местечке на севере Франции Америка впервые стала играть роль на международной арене.

В начале октября подразделение Йорка перебросили в Аргонны, через десять дней после того, как там началось решающее заключительное наступление. Теперь и перед ним предстали зияющие пустотой ландшафты войны, при виде которых казалось, что «здесь прошел чудовищный смерч». Еще на подходах к фронту жизнь Йорка висит на волоске. Немцы бомбят все дороги, по которым движутся войска, и немецкие самолеты с воздуха направляют огонь своих пуле-

метов на колонны солдат на марше. Седьмого октября Йорк проводит в укрытии, в воронке от гранаты на обочине дороги недалеко от деревушки Шатель-Шеери. В двух шагах падает град обстрела, пожирающий его товарищей. Санитары проносят мимо раненых, которые громко кричат. Мертвые с разинутыми ртами и остекленевшими глазами остаются лежать у обочины. И вдобавок непрекращающийся дождь, постепенно наполняющий яму водой.

Восьмого октября, в 3 часа утра, приходит приказ, с которого начинается самая опасная военная эпопея Йорка. В 6 часов утра, стартуя от ближайшей «высоты 223», следовало захватить железнодорожную ветку, которая поставляла немцам подкрепление. Йорк отправляется в путь вместе со своим взводом, надев противогаз. В 6 часов 10 минут с небольшим опозданием начинается атака. Огонь окопного миномета должен отрезать немцам путь к отступлению. Но долина, по которой трусцой бегут американцы, оказывается для них смертельной ловушкой. С хорошо замаскированной точки немецкий пулемет поливает весь склон огнем. Первую волну атакующих он косит, «словно сенокосилка траву». Выжившие из всех сил вдавливаются в любую ямку, укрываются за каждым бугорком, прячутся за спины своих же товарищей. Под градом пуль немисливо даже голову поднять. Когда становится очевидно, что под таким огнем лобовая атака обречена, офицер, под началом которого находится Элвин Йорк, придумывает другой план. Он приказывает всем

выжившим из трех подразделений отступить назад. Семнадцать мужчин, в том числе Йорк, осторожно ступая, крадутся неслышными шагами, а вслед за тем продираются сквозь густые заросли прямо в направлении тарахтящих дул.

За несколько шагов до цели американские солдаты выходят на поляну, где добрый десяток немецких солдат в это время завтракает. Их оружие и шлемы лежат на траве. Обе стороны ошарашены этой неожиданной встречей и замирают на мгновение, словно громом пораженные. Но если американцы держат оружие наизготовку, то немцы сидят в одних рубашках с засученными рукавами и жуют. Кроме того, солдаты Германского рейха принимают появившихся американцев за передовой отряд более крупного американского соединения. Они поднимают руки вверх, сдаваясь.

Очень скоро, однако, немецкие пулеметчики смекают, в чем дело, и разворачивают смертельные дула своих пулеметов в направлении пришельцев. Йорк видит, как шестеро его товарищей гибнут под градом выстрелов. «В капрала Саважа... они всадили не менее сотни пуль. У него вся одежда превратилась в клочья». Немцы и американцы бросились на землю; напавшие искали защиты между телами тех, на кого напали. Йорк лежал буквально в двадцати метрах от немецкого пулеметного гнезда. Под смертоносным огнем стрелок с гор Теннесси полагался на свой меткий глаз и твердую руку. Едва какой-нибудь немец поднимал голову из укрытия, он, безупречно прицелившись, всаживал в него пулю. Все было

как во время стрельбы в индюшку на деревенских праздниках дома, только здесь цель была покрупнее.

В конце концов немецкий офицер с пятью солдатами выскакивает из окопа. Штурмовой отряд с примкнутыми штыками надвигается на Йорка. Но за несколько метров до его позиции Йорк из пистолета отстреливает немцев одного за другим. Он начинает с последних, чтобы передние оказались поближе на линии огня.

Тем временем Йорк убил уже более двадцати немецких солдат, а оставшимся прокричал, чтобы они сдавались. Немецкий майор берется склонить к сдаче своих товарищей. Раздается свисток, и немцы один за другим выходят из окопов, бросают оружие и поднимают руки. Йорк строит их в колонну по двое. Оставшиеся его товарищи встают по обе стороны в качестве охраны, и начинается марш назад, во время которого они подвергаются двойной опасности: во-первых, поблизости есть и другие немецкие позиции, во-вторых, существует вероятность, что длинную колонну немцев примут за ответное германское наступление, и тогда их обстреляют американцы. Однако Йорк приводит пленных, число которых по дороге увеличивается – люди сами идут к нему в руки, – обратно в штаб. Там пленных считают. Их оказывается 132 человека, и всех их взял в плен бывший пацифист Йорк, причем практически в одиночку.

Пока на Западном фронте идут последние решительные

наступления, грозившие обернуться тем, что еще более миллиона солдат лишатся свободы, здоровья или жизни, маховики международной дипломатии уже давно пущены в ход, чтобы нащупать возможность завершения войны. Еще 4 октября немецкое правительство направило телеграмму в Вашингтон президенту Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсону, предлагая ему переговоры о перемирии. Это был тактический маневр, преследовавший цель отвести американскому главе важную роль в мирном процессе в противовес западным европейским державам, в особенности Франции, которая ничего так страстно не желала, как наказать «заклятого врага» за агрессию. Вильсон, со своей стороны, еще 8 января 1918 года, выступая перед конгрессом Соединенных Штатов, назвал четырнадцать пунктов, в которых были сформулированы причины участия в войне с американской стороны и основы будущей мирной жизни: он потребовал открытых мирных переговоров, свободы судоходства на морях, свободы торговли, сокращения вооружений, окончательного урегулирования колониальных споров. Размытые вследствие войны границы в Европе и на Ближнем Востоке должны быть, по словам американского президента, четко определены путем отвода немецких войск и установления нового территориального порядка. Должно было быть образовано общее объединение наций, которое создало бы взаимные гарантии независимости и территориальной целостности. Позже Вильсон добавил к этому перечню тре-

бование, чтобы Германия провела парламентаризацию своей политической системы; для него это требование означало также и отречение германского кайзера. Эта инициатива, за которую американский президент в 1919 году был удостоен Нобелевской премии мира, не была согласована с европейскими союзниками. Теперь, когда Соединенные Штаты Америки отдали свою дань мировой войне, они сочли себя вправе не просто вступить в круг мировых держав, но и возглавить его.

Решение военных вопросов в ходе перемирия Вильсон предоставил полководцам союзных держав. Вот почему свои представления о перемирии 1 ноября 1918 года в Париже изложил представителям правительств важнейших противников Германии французский маршал Фердинанд Фош, главнокомандующий союзных войск. По словам Фоша, это перемирие должно быть равно капитуляции. Только в этом случае войну можно выиграть без той последней смертельной битвы, на которую он внутренне так давно настраивался. Прежде всего необходимо было при последующих переговорах настоять на оккупации правого берега Рейна. Иначе немцы под прикрытием перемирия и под флагом защиты Рейна способны были изменить расположение своих войск и либо пойти в новое наступление, либо, по меньшей мере, оказать давление на ход предстоящих мирных переговоров. И для Фоша тоже военный ландшафт играл центральную роль. Но

он имел в виду вовсе не леса-призраки, которые оставляла после себя война, а тот «ландшафт войны», о котором писал в 1918 году Курт Левин, берлинский социопсихолог. Он говорил о том, как в результате военных конфликтов в природном ландшафте появляются иные границы и направления, излагал свои представления о «спереди» и «сзади». Именно такое представление и составил себе о ландшафте Фердинанд Фош. В своей штаб-квартире, которая больше напоминала офис крупной фирмы или инженерно-конструкторское бюро, нежели наблюдательный пункт полководца, он управлял пространством и снабжал его человеческими и тактическими ресурсами. Мысля понятиями военной логистики такого рода, Фош настаивал на том, чтобы вместе с союзными армиями перейти на ту сторону Рейна. Для него это был вопрос количества людей и возможности их переброски. Неужели можно закончить современную войну, стратегически и тактически выверенную, столь же современным логистическим миром? Его ответ: если мы этого не сделаем, мы поставим под угрозу будущее, которое мы могли бы воплотить после столь тяжело доставшихся побед.

К 4 ноября условия союзников установлены. Они вполне соответствуют замыслам Фоша, и о них окольными путями рапортуют Вашингтону. К той же дате относится предложение начать переговорный процесс в Париже, адресованное немецкой комиссии по перемирию. Фош дает указание принять немецкого посла. Через пару дней, в ночь с 6 на 7 нояб-

ря, приходит радиотелеграмма, в которой уточняются имена членов немецкой делегации.

Сто двадцать девятый артиллерийский полк, которым командует Гарри С. Трумэн, выполняет задачу прикрывать сухопутный авангард союзников от немецкого артиллерийского обстрела. Он сообщает своей возлюбленной Бесс, что за пять часов выпустил по «гуннам» 1800 гранат. В начале наступления его подразделению приходилось держать уши востро. Как только они начали артиллерийский обстрел, тут же обнаружили свое местонахождение, и противник подверг их бомбежке и газовым атакам. Они вели странную войну, где балправили техника, тактика, стратегия, баллистика и логистика, а врага они в лицо почти никогда не видели. Однако с конца октября сопротивление немцев ослабело. Было похоже, что немцам «не хватает сил, чтобы отстреливаться. <...> Вчера их летчик упал с неба прямо за моей батареей, он вывихнул лодыжку, а самолет превратился в грудку щепок, и потом его растащили по частям окрестные французы и американцы. Они даже куртку у немца пытались отнять. <...> Один наш офицер – мне даже писать об этом стыдно – снял с хромого летчика сапоги и оставил их себе. <...> „Конец войне!“ – прокричал летчик по-французски, чтобы его хоть в живых оставили».

Наступление требует от солдат напряжения всех сил. Необходимо непременно угнаться за стремительно передви-

гающимся фронтом. Для этого приходится тащить орудия по грязи и слякоти, вручную и лошадьми, напрягая все силы. Ночные переходы доводят людей до изнеможения. «Каждый из нас уже стал напоминать какого-то чахлого призрака, все мы день ото дня худели, пока не превратились в огородные пугала».

Но чем очевиднее становится поражение немцев, чем дольше полк Трумэна оттесняет невидимого врага, не теряя никаких серьезных потерь, тем в большей мере война, в которую Соединенные Штаты вступили в апреле 1917 года, кажется ему «чудовищным опытом». Временные жилища, в которых он, как офицер, находит ночлег – иногда там даже есть печка, телефон и полевая кухня, – становятся для него родиной на час. Он так привык теперь спать под землей, что дома, наверное, заберется ночевать в подвал, мрачно шутит он. В последние недели войны, когда победа кажется совсем близкой, письма Трумэна становятся заметно бодрее. Все чаще позволяет он себе думать о родине: если он когда-нибудь вернется домой, то почтет за счастье до конца дней своих ходить за ослом по кукурузному полю. Он даже находит время отправить в письме своей возлюбленной Бесс два цветочка в подарок.

Такое чувство охватывает, когда читаешь письма Трумэна, написанные в последние дни войны, будто оказываешься в фильме Чарли Чаплина «На плечо!», премьера которого состоялась в Нью-Йорке на Бродвее 20 октября 1918 го-

да. Лента, задуманная в то время, когда Чаплин рекламировал «Заем свободы», призывая пожертвовать деньги на нужды армии, рассказывает о маленьком человечке с тонкими усиками, который мается ровно в тех же окопах Северной Франции, где и Трумэн проводил последние недели войны. В конце фильма герою удастся освободить из немецкого плена милую французскую девушку. По ходу дела он сталкивается с самим германским кайзером, берет его в плен и уводит под прицелом своей винтовки. Так Бродяга заканчивает мировую войну, завершает пресловутый «чудовищный опыт».

Поздним вечером 7 ноября верховный главнокомандующий Фердинанд Фош садится в спецпоезд в Сенли, к северо-востоку от Парижа. Его сопровождает глава его Генштаба Максим Вейганд, три офицера Генштаба и представители британского флота под руководством адмирала Вемисса. Едут недолго. За местечком Компьен, посреди лесной поляны, недалеко от городка Ретонд, поезд останавливается. Впереди долгая ночь ожиданий. Только на следующее утро, в 7 часов, прибывает поезд, в котором отправились после полуночи с превращенного в руины вокзала в Тернье немецкий посланник Эрцбергер и его спутники.

Двумя часами позже, 8 ноября 1918 года в 9 утра, в вагоне спецпоезда, превращенном в личный кабинет Фоша, состоялась первая встреча. Атмосфера натянутая. Сначала в кабинет входит немецкая делегация и рассаживается на указанные ей места за столом переговоров. Затем являются

французы под руководством маршала Фоша, которого Маттиас Эрцбергер описывает как «мужчину небольшого роста с суровыми, энергичными чертами лица, которые с первого взгляда выдавали привычку командовать». Вместо рукопожатия звучит только военное приветствие, а штатские обмениваются скудными кивками головы. Делегации представляются друг другу: Эрцбергер, Альфред фон Оберндорф, Детлоф фон Винтерфельдт и Эрнст Ванселов должны предъявить свои полномочия.

Затем Фош начинает переговоры с наигранным удивлением: «Что привело вас сюда, господа? Что вы хотите от меня?» Маттиас Эрцбергер отвечает, что делегация прибыла, чтобы узнать условия перемирия, которые предлагают союзники. Фош сухо заявляет, что он не намерен делать какие-либо предложения. Оберндорф в ответ спрашивает, какую манеру выражаться предпочитает маршал. Немецкой стороне важна не стратегия, а лишь условия союзников, на которых может совершиться перемирие. Фош четко отвечает, что он не намеревается ставить условия. Тогда Эрцбергер зачитывает вслух последнюю ноту президента Вильсона, из которой недвусмысленно следует, что маршал Фош уполномочен ознакомить делегацию с условиями перемирия. И только тут Фош открывает карты: он уполномочен сообщить об условиях только в том случае, если немецкая сторона ищет перемирия. Ни при каком раскладе Фош не хотел избавить немцев от этой унижительной процедуры.

Тогда Эрцбергер и Оберндорф по всей форме заявляют, что они от имени правительства Германского рейха просят о перемирии. Только тогда генерал Вейганд начинает зачитывать основные формулировки решения от 4 ноября. Маршал Фош с олимпийским спокойствием сидит за столом. Представитель Великобритании, адмирал Рослин Вемисс, пытается выглядеть столь же равнодушным, но нервное поигрывание моноклем и массивными роговыми очками выдает его внутреннее напряжение.

Немецкие посланники, как позже вспоминает Вейганд, выслушивают чтение условий с бледными, словно окаменевшими лицами. У молодого капитана военно-морских сил Ванселова по щекам текут слезы. Соглашение требует не только немедленного отвода немецких войск со всех оккупированных территорий Бельгии, Франции и Люксембурга, а также с имперской территории Эльзас-Лотарингия, не только (как настоятельно подчеркивает Фош) оккупации союзниками левобережных рейнских областей и нейтральных зон вокруг ключевых мостов в Майнце, Кобленце и Кёльне; оно регулирует также передачу оружия, самолетов, военного флота, железных дорог, а также предполагает отмену мирного договора, заключенного Германским рейхом с Россией в 1917 году.

«Это был душераздирающий момент», – вспоминал потом Вейганд. Генерал Винтерфельдт, дождавшись завершения чтения, предпринимает-таки попытку смягчить усло-

вия перемирия: пусть, по крайней мере, срок подписания перемирия перенесут, чтобы можно было согласовать все с правительством, а во время изучения условий германской стороной пушки будут молчать. Фош отвергает и первое, и второе. Предлагается принять ультиматум, ограничивающий срок подписания 11 ноября 1918 года, до 11 часов по французскому времени. Перемирие наступит только после подписания. В тот же день маршал телеграммой посылает командирам приказ ни в коей мере не снижать интенсивность атак. Делается это для того, чтобы еще в ходе мирных переговоров достигнуть «решающих результатов». Обсуждать здесь нечего, подчеркивает он, обращаясь к Эрцбергеру. Немцы вправе либо принять, либо отклонить их предложение, но именно в том виде, в каком оно предъявлено. Так или иначе он подтверждает, что «в частном порядке» возможны переговоры низших чинов обеих делегаций. Эрцбергер надеется добиться послаблений, во всяком случае по части сроков и объемов передаваемого оружия, аргументируя свои усилия необходимостью не допустить голода и полного крушения общественного порядка.

По завершении первого заседания капитана фон Хелльдорфа направляют обратно в германскую штаб-квартиру в Спа с перечнем выдвинутых условий. Переговоры «в частном порядке» начинаются после обеда и растягиваются на два дня, а часы ультиматума неуклонно сокращаются. Вечером 10 ноября около 21 часа, за четырнадцать часов до исте-

чения срока ультиматума, в лесную глушь добирается шифрованное телеграфное распоряжение от немецкого рейхсканцлера. Согласно распоряжению Эрцбергер уполномочен принять все условия перемирия. Невзирая на это послание, немецкой делегации, которая по отдельным пунктам явно провела успешную дипломатическую работу, удастся завершить написание окончательного текста. Под самое утро 11 ноября, между 2 и 5 часами утра, за каких-то шесть часов до истечения ультиматума, в окончательный документ вносятся изменения. Хотя они и не умаляют суровости документа, но и не являются чисто условными: вместо 2000 самолетов Германия обязана теперь отдать 1700, а вместо 30 тысяч пулеметов – только 25 тысяч. Особенно возмущает французского маршала аргументация относительно последней цифры: Эрцбергер уверяет, что оружие нужно Германии, чтобы держать в узде силы, нарушающие общественное спокойствие. Нейтральная зона на правом берегу Рейна должна вместо сорока километров составить теперь всего десять. Освобождение немецкими войсками левобережных территорий вдоль Рейна должно было теперь продлиться тридцать один день вместо двадцати пяти. Предупреждение о том, что Германии грозит голод, приводит союзников к обещанию, что во время перемирия, которое первоначально заключалось на тридцать шесть дней, они будут снабжать Германию продовольствием.

Одиннадцатого ноября 1918 года, в 5 часов 20 минут,

прежде чем забрезжило бледное осеннее утро, была подписана последняя страница соглашения о перемирии. Попутно готовится полная версия документа, включающая оговоренные в последний момент изменения. Едва завинтив колпачок ручки, Эрцбергер заявляет, что некоторые из подписанных распоряжений на практике неосуществимы. Его слова завершаются патетической фразой: «Семидесятимиллионный народ страдает, но не умирает». Фош сухо отвечает на это: «Хорошо». Затем делегации расходятся, вновь не пожав друг другу руки.

Описанное подобным образом завершение Первой мировой войны предстает почти как камерная пьеса, и может показаться, что той осенью 1918 года мировая история сужилась до карманного формата, словно ее можно было сконцентрировать на небольшой горстке лиц, а местом действия послужил обозримый треугольник между Парижем, бельгийским курортным местечком Спа и Страсбургом – на тот момент еще немецким. Но в действительности мировая война не вмещается в один железнодорожный вагон.

В период с 1914 по 1918 год конфликт, в ходе которого мерялись силами державы Антанты – Франция, Великобритания и Россия с одной стороны и тройственный союз Германского рейха, Австро-Венгрии и Италии с другой стороны, – по мере своего развития перерос в глобальную конфронтацию. Она охватила не только Европу, но и Ближний

Восток, Африку, Восточную Азию, а также мировые океаны, и 70 миллионов солдат с пяти континентов сражались в этой войне. Соответственно среди 16 миллионов солдат, которым Первая мировая война стоила жизни, давно уже были не только европейцы: 800 тысяч турок, 116 тысяч американцев, 74 тысячи индийцев, 65 тысяч канадцев, 62 тысячи австралийцев, 26 тысяч алжирцев, 20 тысяч африканцев из немецких колоний в Восточной Африке (Танзания), 18 тысяч новозеландцев, 12 тысяч солдат с полуострова Индокитай, 10 тысяч африканцев из немецкой Юго-Западной Африки (Намибия), 9 тысяч солдат из Южной Африки и 415 японцев оставили на полях этой войны свои жизни.

С точки зрения тех участников войны, которые на тот момент смогли сказать свое слово, пауза в военных действиях, начавшаяся в ноябре 1918 года, была предельно четким водоразделом между войной и миром. На самом же деле раскаленная машина мировой войны не могла быть остановлена одним росчерком пера под одним договором. Компьенские подписи скрепили лишь один из четырех договоров о перемирии между различными воюющими сторонами, которые были подписаны в 1918 году. Это был лишь первый шаг к истинным мирным переговорам, и до того момента, когда война окончательно завершилась благодаря целому ряду соглашений, последнее из которых было подписано только в 1923 году, военные действия и столкновения продолжались повсюду. На западном фронте после заключения перемирия

последовало продвижение союзных войск до Рейна и оккупация его правого берега. На Балканах не утихал конфликт между Венгрией и Румынией. На Балтике Латвия боролась за независимость с юным Советским Союзом. Помимо этого, в мире свирепствовала эпидемия испанки – разновидности гриппа, который унес больше жизней, чем все сражения этой войны, вместе взятые.

Уже очень скоро конфликты между Ирландией и Англией, между Польшей и Литвой, между Турцией и республикой Армения, а также между Турцией и Грецией оборачиваются новыми войнами. Одновременно русская революция 1917 года вызывает на востоке Европы и в Азии кровавую гражданскую войну между сторонниками и противниками большевиков, которой суждено продлиться до 1922 года.

Марина Юрлова родилась в казачьей семье. Она выросла в одной из кавказских станиц. Чтобы сражаться в рядах царской армии вместе со своим отцом, она остригла волосы и стала носить мужскую одежду. То, что царь, за которого она готова была отдать жизнь, лишился трона, она узнала, находясь в больничной палате бакинского госпиталя. Перед этим она, сидя за рулем армейского санитарного грузовика, попала под обстрел. Обо всем, что произошло дальше, в памяти остались только отрывочные воспоминания: взрывы, осколки, крики. Долгие месяцы в сумеречном состоянии она провела в различных больницах. Телесные раны вскоре зажили,

но психические последствия ранений не исчезали. Марина, которой было тогда семнадцать лет, дрожала всем телом, голова у нее сама собой покачивалась из стороны в сторону, а вместо речи раздавались лишь судорожные, невразумительные звуки. В голове у нее все вновь и вновь проносились картины той минуты, которая могла стать последней в ее жизни, того самого мгновения, когда из воительницы она превратилась в жертву войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.